

ДЕМО-ВЕРСИЯ · БЕСПЛАТНО

Exambooster

История и теория политики: вступительный экзамен в аспирантуру — пробный билет

Один полный разбор из перечня вашего экзамена — посмотрите формат перед покупкой: тезисный конспект, развёрнутый ответ с опорой на первоисточники и указание, из каких работ взят каждый тезис. В полном пособии — 46 вопросов перечня: 23 по истории политических учений и 23 по современным политическим теориям.

НАПРАВЛЕНИЕ ПОДГОТОВКИ

Аспирантура МГИМО · 5.5.1 История и теория политики

ПРОГРАММА

вступительное испытание в аспирантуру

РАЗДЕЛ II · СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ · ВОПРОС 501 · ДЕМО

Специфика политико-теоретического познания. Место политических теорий в системе знаний о политике.

■ Три типа знания о политике

- философия политики, политическая теория и политология — разные способы говорить о власти; Гаджиев: политическая теория — «комплекс представлений, идей и воззрений, имеющих своей целью истолкование и объяснение... политических явлений и процессов»;
- Берлин разводит «философию политики» (взгляд философии на политику «извне») и «политическую философию» — «саморефлексию... как её внутреннее знание самой себя», взгляд «изнутри»; у разных авторов термины путаются местами — различать по смыслу, не по словам.

■ Нормативное и эмпирическое

- Оукшотт: политическая философия «пытается установить норму..., в соответствии с которой должна быть организована жизнь в обществе» — область по преимуществу нормативная;
- пять функций теории (Алексеева): дескриптивная, объяснительная, прогностическая, инструментальная, идеологическая; четыре критерия научности по Попперу — систематизированность, расчленённость на дисциплины, доказательность, intersubjectивность.

■ Специфика предмета: от детерминизма к стохастике

- Панарин: политика как предмет возможна только в «стохастической» картине мира — где господствует лапласовский детерминизм, предмет политической науки исчезает, исход соперничества предрешён;
- политика — «смешанный тип деятельности, сочетающий науку и искусство»; вопроса «почему?» мало, нужен и вопрос «для чего?» — отсюда различие объяснения (детерминистского) и понимания, идущее от Дильтея.

■ Становление политической науки как дисциплины

- в середине XIX века политическая мысль выделяется из философии, социологии и правоведения в отдельную эмпирическую дисциплину; в России это произошло поздно — в конце 1980-х;
- теория международных отношений оформилась как дисциплина к 1950-м в США, а до того осмыслялась в рамках философии истории — Макиавелли, Гроций, Кант.

■ РАЗВЁРНУТЫЙ ОТВЕТ

■ Вводный контекст

Прежде чем изучать конкретные политические теории — либерализм, консерватизм, марксизм, теорию демократии и десятки других, — стоит задать более простой на вид, но на деле непростой вопрос: а что вообще такое политическая теория как тип знания, чем она отличается от соседних с ней форм знания о политике и какое место занимает в общей системе наук об обществе? Ответ на этот вопрос не складывается в стройную единую систему ни у одного отдельного автора — тема методологически рассеяна по разным работам, каждая из которых освещает свой фрагмент целого. Один автор разбирает соотношение философии и теории, другой прослеживает историю становления политологии как университетской дисциплины, третий — рассуждая совсем по другому поводу, о марксизме, — касается связи знания и практического действия. Задача этого текста — не выдать чужую систематику за существующую, а честно собрать то, что действительно сказано по каждому из этих сюжетов, и показать, как эти фрагменты соотносятся друг с другом.

■ Три типа знания о политике: философия, теория, наука

Наиболее устойчивое разграничение, повторяющееся в нескольких источниках, — это различие трёх типов академического и вообще интеллектуального обращения с политикой: политической философии, политической теории и политической науки (политологии). При этом уже здесь начинаются терминологические сложности: разные авторы вкладывают в словосочетания «философия политики» и «политическая философия» разный, иногда прямо противоположный смысл, и разбираться нужно по существу дела, а не по внешнему сходству формулировок.

Отправная точка — знаменитое разграничение британского философа Исаяи Берлина. «Философия политики», по Берлину, — это приложение общего философского знания к политике, взгляд на неё как бы со стороны, «извне»:

философ приходит в политику со своим готовым инструментарием — категориями бытия, познания, ценности — и применяет их к политическому материалу. «Политическая философия», напротив, — это «саморефлексия в политике, как её внутреннее знание самой себя»: в этом случае познающий субъект находится как бы «внутри» самой политики, а не наблюдает её со стороны отвлечённого философского аппарата. Т.А. Алексеева, излагая это разграничение Берлина, поясняет его собственной формулировкой: «философия политики» — взгляд на политику «извне», тогда как политическая философия оказывается частью собственно политологического знания именно потому, что познающий субъект мыслится «внутри политики».

Однако эта же пара терминов используется и с обратным знаком. У философа Кирилла Гаджиева «политическая философия» — не узкая внутренняя саморефлексия, а, напротив, широкое родовое понятие, объединяющее сразу онтологию, аксиологию, эпистемологию и методологию политического знания — то, что «располагается в области пересечения философии и политической науки». Для Гаджиева знание о политическом принципиально не нейтрально: политические явления, по его убеждению, «невозможно правильно понять, если они не рассматриваются в терминах добра и зла», а центральным вопросом политической философии, восходящим ещё к Платону, остаётся вопрос «кто должен господствовать?». Вывод из этого расхождения простой и практический: словосочетания «философия политики» и «политическая философия» у разных авторов не синонимичны и не взаимозаменяемы — прежде чем сравнивать позиции разных мыслителей, нужно каждый раз уточнять, в каком именно смысле термин используется именно у этого автора.

Есть в системе и третий, промежуточный тип знания — собственно политическая теория, которую от политической философии отличал британский философ Бернанд Вильямс: политическая философия занята «применением» общих принципов (пример — утилитаризм как учение о наибольшем благе), тогда как политическая теория строит «структурные модели» — таким структурным построением служит, например, теория справедливости Джона Роулса. Наконец, политолог Гаджиев (в другой своей формулировке, уже не о философии, а о теории как таковой) определяет политическую теорию как «комплекс представлений, идей и воззрений, имеющих своей целью истолкование и объяснение... политических явлений и процессов» — то есть теория, в отличие от чистой философии, обязательно включает в себя момент объяснения закономерностей, а не только нормативного суждения о должном.

■ Нормативное и эмпирическое: где проходит граница

Внутри этой трёхчастной схемы издавна закрепились разделение на два больших академических направления: политическую философию как нормативную теорию — то есть теорию, формулирующую, как должна быть устроена политическая жизнь, — и политологию как эмпирическую теорию, описывающую и объясняющую политическую жизнь такой, какая она есть. Британский политический философ Майкл Оукшотт формулирует существо нормативного подхода предельно ясно: политическая философия есть

«рассмотрение отношений между политикой и вечностью, извечными проблемами бытия человека» — она преимущественно нормативна, поскольку «пытается установить норму..., в соответствии с которой должна быть организована жизнь в обществе».

Полезным ориентиром для понимания того, зачем вообще нужна политическая теория, служит перечень её функций: дескриптивная (описание политических явлений), объяснительная (раскрытие их причин и закономерностей), прогностическая (предсказание развития событий), инструментальная (практическое применение знания) и идеологическая (обоснование определённых политических ценностей и программ). Теория, таким образом, никогда не сводится к одной лишь констатации фактов — она всегда несёт в себе и объяснительный, и практический, и, часто незаметно для самого исследователя, ценностный заряд.

Отдельный вопрос — как отличить подлинно научное знание о политике от околонаучного или ненаучного. Здесь принято опираться на критерии, восходящие к философии науки Карла Поппера: систематизированность знания, его расчленённость на отдельные дисциплины и поддисциплины, доказательность выдвигаемых утверждений и интерсубъективность — то есть возможность независимой проверки результата другими исследователями, а не только субъективная убеждённость автора. Важно понимать, что знакомство с политической теорией предполагает не только чтение учебников, но и непосредственную работу с классическими текстами — иначе неизбежна подмена живой теоретической традиции её школьным пересказом.

Отдельный, более узкий пример разграничения теории и философии даёт теория международных отношений: по формулировке британского теоретика Криса Брауна, она представляет собой «вариант прикладной политической философии» — то есть дисциплину, которая берёт общие философские вопросы о справедливости, власти, порядке и прикладывает их к особому предмету, отношениям между государствами. При этом сама теория международных отношений методологического единства не имеет: это скорее набор нередко противоречащих друг другу теоретических школ, чем цельная система.

■ Специфика политического познания: от детерминизма к стохастике

Отдельный и по-своему наиболее содержательный пласт рассуждений о своеобразии политического знания принадлежит философу Александру Панарину, хотя стоит сразу оговориться: его тексты публицистичны по стилю и не претендуют на систематическое сопоставление всех рассмотренных выше типов знания — это скорее россыпь глубоких наблюдений об устройстве самого предмета политической науки, чем стройная классификация. Панарин определяет философию политики как «науку о наиболее общих основаниях и возможностях политики, о соотношении в ней объективного и субъективного... сущего и должного, рационального и иррационального» — формула, которая сама по себе стягивает воедино нормативную и эмпирическую стороны политического знания.

Центральный тезис Панарина о специфике самого предмета политической науки звучит неожиданно: политика как самостоятельный объект познания возможна только в мире, описываемом «стохастической» — то есть вероятностной, не до конца предопределённой — картиной мира. Там, где безраздельно господствует лапласовский детерминизм (мир, в котором будущее состояние полностью и однозначно вытекает из настоящего), сам предмет политической науки, по существу, исчезает: если исход всякого политического соперничества заранее предreshён законами природы или истории, то политика перестаёт быть ареной борьбы, выбора и ответственности — а значит, и предметом особого знания. Отсюда характеристика самой политики как «смешанного типа деятельности, сочетающего науку и искусство, анализ и интуицию»: чисто научного, детерминистского объяснения политики недостаточно, вопроса «почему?» здесь мало — необходим ещё и вопрос «для чего?», обращённый к целям и смыслам действующих лиц, а не только к их причинам.

Эта мысль опирается на давнее философское различие, восходящее к немецкому философу Вильгельму Дильтею, — различие объяснения и понимания. Объяснение — детерминистский тип описания, устанавливающий объективные причины явления, как в естественных науках. Понимание же требует признания за другим человеком свободной субъективности — как формулирует эту мысль философ Ганс-Георг Гадамер, «я становлюсь объективным в своём понимании другого в той мере, в какой признаю его свободную субъективность». Философ-экзистенциалист Жан-Поль Сартр выражает ту же идею через тезис о безусловной ответственности человека за собственный выбор: «У человека нет алиби». С этим связано и более общее методологическое противопоставление номотетики (метода наук о природе, ищущего общие законы) и идиографии (метода наук о культуре, восходящего к неокантианству и описывающего неповторимое, единичное) — причём, по наблюдению Панарина, в современном научном знании происходит своего рода инверсия: даже само естествознание сегодня всё чаще перенимает идиографические установки, интересуясь неповторимым и вероятностным, а не только всеобщими законами. Сциентизм — то есть претензию точных наук на монопольное описание реальности — Панарин прямо называет «особым видом рационалистической утопии», вытесняющей вне- и донаучные формы человеческой ориентации в мире.

Из этой же логики вырастает и понятие политической антропологии — «науки о "человеке политическом"», которая в паре понятий субъект-система прочно занимает сторону субъекта, в отличие от институциональных, структурных отраслей политического знания. А бихевиоральную революцию в политической науке середины XX века Панарин характеризует как «форму секуляризации политического знания»: возникающая в её результате политология описывается им как «деэтатизированная наука», дающая уже не мировоззренческое, а «инструментальное, рецептурное знание» — знание не о смысле политики, а о технике манипулирования её механизмами.

■ Теория и практика: марксистская линия

Особый и по касательной затрагивающий нашу тему сюжет — вопрос о соотношении теоретического познания и практического действия, поднятый в связи с интерпретацией одиннадцатого тезиса Карла Маркса о Фейербахе. В его верном, по мнению исследователей этой традиции, толковании, тезис звучит не как противопоставление познания и изменения мира, а как утверждение их неразрывности: «дело заключается в том, чтобы понять мир — и на этой основе... изменить его». Отсюда формула, резюмирующая марксистское понимание отношения теории к практике: «Познание и Деятельность — есть две... неразрывные, взаимопроникающие стороны единого процесса "познание-деятельность"». Этот сюжет важен не сам по себе, а как иллюстрация более общего тезиса: политическая теория никогда не была и не мыслилась чисто созерцательным знанием — практическая, инструментальная её функция признавалась самыми разными теоретическими традициями, а не только марксистской.

■ Историческая институционализация политической науки

Помимо содержательного разграничения типов знания о политике, важен и исторический вопрос: когда и как политическая наука оформилась как самостоятельная академическая дисциплина. Ответ здесь достаточно определённый: в середине XIX века политическая мысль постепенно выкристаллизовывается из философии, социологии и правоведения в отдельную научную дисциплину — дисциплину, ориентированную именно на объяснение, а не на нормативное предписание, отделяющую факты от ценностей и претендующую на эмпирический, а не умозрительный характер знания. Идеологической основой этого превращения послужил либерализм с характерной для него номиналистической гносеологией; заметную роль сыграл и позитивизм с его программной критикой метафизического, недоказуемого знания.

Внутри этой общей истории методологии политической науки выделяется более дробная периодизация: классический период (до конца XIX века), институциональный период (середина XIX — начало XX века), бихевиоралистский период (1950–1970-е годы) и, наконец, постбихевиоралистский период. Показательно и то, что современные попытки систематизировать методологические основания политической науки не претендуют на исчерпывающую полноту: составители одного из новейших сборников политико-теоретических парадигм прямо оговаривают, что представленные в нём более тридцати подходов «не исчерпывают весь существующий спектр», хотя и охватывают «широкую панораму классических и современных» методологических оснований политологических исследований. В России, в отличие от западных стран, институционализация политологии как отдельной университетской дисциплины состоялась значительно позже — только в конце 1980-х годов.

Отдельная и не вполне совпадающая с общей историей политической науки линия — это становление теории международных отношений. До 1930–1940-х годов международные отношения осмыслялись не как отдельная дисциплина, а в рамках общей философии истории и философии политики — этим сюжетом занимались ещё Макиавелли, Гроций, Кант, Гоббс. Как самостоятельная академическая дисциплина со своим предметом и своими теориями теория международных отношений сложилась заметно позже общей политической науки — только к 1950-м годам, и произошло это прежде всего в Соединённых Штатах.

■ Итоги и значение

Систематического изложения того, чем политическая теория отличается от политической философии и политической науки, ни один из разобранных выше авторов не даёт — и подделывать такую стройность значило бы исказить картину. Но из разных, частично пересекающихся, частично расходящихся фрагментов складывается работоспособное понимание предмета. Политическая философия, политическая теория и политология — три разных, хотя и не всегда чётко разграничиваемых типа знания о политике, различающиеся по степени нормативности и эмпиричности, по позиции познающего субъекта (внутри политики или вне её) и по функции — от чистой рефлексии о должном до объяснения и прогнозирования сущего. Специфика самого предмета политического познания состоит в том, что оно возможно лишь там, где исход событий не предreshён заранее, — в мире вероятности, выбора и ответственности, а не жёсткого детерминизма, и требует не только объяснения через причины, но и понимания через цели и смыслы действующих лиц. Институционально политическая наука как отдельная университетская дисциплина — сравнительно молодое образование: она обособилась от философии, социологии и правоведения лишь в середине XIX века на Западе и лишь в конце 1980-х годов в России, а теория международных отношений оформилась как её самостоятельная ветвь и вовсе только к середине XX века. Понимание этой многослойности — не формальность, а необходимое условие для того, чтобы не путать разные по своей природе высказывания о политике, приписывая политической теории задачи, которые на деле решает политическая философия, или наоборот.

EXAMBOOSTER

Понравился формат? Заберите полное пособие

В полном издании «История и теория политики: вступительный экзамен в аспирантуру» — 46 вопросов перечня: 23 по истории политических учений и 23 по современным политическим теориям в таком же формате + доступ в закрытый Telegram-канал, где каждый вопрос перечня — отдельный пост с навигацией.

Купить magistratura.exambooster.ru/materialy

Telegram-канал [@mgimo_exambooster](https://t.me/mgimo_exambooster)

Телефон +7 (925) 886-41-35

E-mail info@exambooster.ru

**Цена — 8000 ₽, разовый платёж:
пособие в PDF + закрытый канал.**

Дмитрий Санько — основатель Exambooster, выпускник МГИМО (МЭО, 2010) и Ryerson University, ex-преподаватель МГИМО. · ИП Санько Дмитрий Сергеевич, ИНН 772854182473.